

Служить Богу и людям

Ирэн Зайончек возглавляет благотворительный фонд Samusocial Moskva, целью которого является помощь социально отчужденным — т.е. тем, кто отвержен обществом, кому надо облегчить выживание и общественную интеграцию в жестких условиях современного мегаполиса. Профессиональный переводчик, Ирэн Зайончек имеет большое количество контактов как в культурных, так и в политических кругах России — и это, безусловно, имеет для нее, как президента фонда, большое значение. В беседе Ирэн Зайончек со специальным корреспондентом «ЭС» Ларисой Полковниковой речь, в частности, идет о значении для общества сплетения культур различных народов.

В Вашей семье сплелись традиции многих культур — польской, французской, русской. Расскажите немного об этом, а также о том, как Вы начали работать в России.

Я из семьи белых эмигрантов, которые уехали из России после революции. Моего деда расстреляли в Батуми, он был военным врачом, но семья, слава богу, смогла эмигрировать. Часть семьи покинула родину на знаменитом «Философском пароходе». Я родилась во время Второй мировой войны во Франции на Лазурном берегу, куда мои предки приезжали еще до революции. Конечно, после революции были совершенно другие условия. Фамилия у нас польская, потому что наши предки — поляки, в частности генерал Зайончек, который был очень известен при Бонапарте, он участвовал в египетской кампании. Кстати, его фамилия есть на Триумфальной арке в Париже. Потом он стал наместником русского царя и вместе с чадами и домочадцами переехал в Петербург. Постепенно семья совершенно обрусела, перешла в православие, и я человек православный. А теперь мы стали французами.

В Россию первый раз я приехала очень поздно. В Советский Союз мы редко ездили, только в командировки. По образованию я юрист-международник, много лет проработала в ООН и в министерстве иностранных дел Франции. Сфера моих профессиональных интересов — международное публичное и договорное право. Потом стала заниматься переводческой работой. Именно в министерстве иностранных дел Франции 14 лет назад мне предложили поехать в Москву в качестве официального переводчика посла. Я подписала контракт на два года, но работа оказалась очень интересной, и мне захотелось его продлить. Я работала с четырьмя послами, была атташе посольства, а полтора года назад ушла из посольства и стала президентом благотворительного фонда, который называется Samusocial, но об этом я расскажу позже.

Перевод, особенно устный, — это большая ответственность: от того, насколько точным он будет, зависит не только исход переговоров, но зачастую судьбы мира. Как Вы думаете, что главное в профессии устного переводчика?

Работа переводчика, как и любая другая, подразумевает ответственность, но насчет судеб мира — это все-таки преувеличение. Обязанность переводчика — точно передавать смысл сказанного, ничего не добавляя от себя. Здесь важны такие качества, как ответственность и скромность, — и, конечно, необходимо знание культурных традиций обеих стран.

Должен ли переводчик скрывать эмоции, особенно если речь идет о его родной стране, или перевод должен быть эмоционально окрашенным?

Все зависит от конкретной ситуации. В любом случае надо знать меру.

С кем Вам было наиболее комфортно работать?

Я много лет переводила президенту Шираку, он очень обаятельный, эмоциональный человек. Кстати, любит Россию. Были и другие уважаемые персоны, с которыми я имела честь работать.

Я слушаю и наслаждаюсь Вашим русским языком — он совершенен. Где Вы учились?

За границей. Любовь к русскому языку мне привили в семье. Будучи детьми, мы не очень хотели говорить по-русски — ребенок стремится прежде всего интегрироваться в культуру страны, в которой живет. Но, в конце концов, русский язык меня все-таки «догнал». Дома, конечно, все говорили по-русски. И это был красивый литературный язык, поскольку члены моей семьи отличались очень высокой культурой. В частности моя бабушка, которая родилась в Петербурге, навсегда осталась петербуженкой и говорила на своем петербургском языке. Мы с ней ходили в храм Архангела Михаила, который находит-

ся в конце набережной Круазетт. И всю дорогу она говорила со мной по-русски — например, рассказывала об усадебной мебели. Когда я стала постарше, начала ездить в летние и зимние детские лагеря, организованные Русским студенческим христианским движением. Там были замечательные преподаватели — правоведы, богословы и т.д., которые передавали нам традиции русской культуры. Параллельно все мы, конечно, учились во французских школах и университетах, и надо сказать, что французская школа замечательная. Таким образом, потомки эмигрантов являются носителями двух культур. Теперь стало немножко труднее передавать язык молодым. Мне повезло, потому что мои наставники были из того поколения, которое приехало во Францию еще до революции.

Французский язык — очень точный, он, как никакой другой, хорош для составления международных актов и прочих документов.

Известно, что французы очень чувствительны к иностранным заимствованиям в их родном языке. Во Франции законодательно запрещено использовать в СМИ некоторые английские слова. Возможно ли, на Ваш взгляд, противостоять засилью иностранных слов в русском языке?

С этим трудно бороться. Конечно, во Франции пытаются что-то делать, и тем не менее английские слова проникли во все сферы жизни. Одна из причин — распространение компьютерного языка. Английские слова более емкие, к ним все привыкли, трудно найти им французские эквиваленты. Пытаясь оградить французский язык от иностранных заимствований, французы тем самым борются за сохранение позиций своего языка в современном мире, которые в последнее время пошатнулись. В частности, в международных организациях стали меньше использовать французский. Такая борьба идет и на зако-

нодательном уровне. Но закон — это одно, а жизнь — совсем другое. Надо, чтобы люди сами радели о чистоте своего языка. В русском языке тоже очень много новых слов, что является отражением определенной реальности. Но есть надежда на то, что могучий русский язык сможет все это поглотить и переработать. И иноязычные заимствования «обрусуют», как «офранцузились» они во французском языке.

Такое проникновение инородных культур как-то влияет на национальную идентичность?

Нет, конечно. Франция является одной из тех стран, которые выступают за культурное многообразие. Я знаю, что в России исчезают языки малых народов — это трагедия. И у нас во Франции есть так называемые региональные

языки, например бретонский. Что же касается французского языка как основного компонента идентичности французского народа, то мы будем защищать его и в нашей стране, и на международном уровне. Наряду с русским языком он является одним из официальных языков ООН.

В России три века подряд популярно все французское. Как Вы думаете, почему Франция так интересна и притягивает русских?

Может быть, нас сближает чувство юмора? Французская ирония, отражающая галльский острый ум, придает жизни легкость, и русский юмор — он тоже замечательный. Или тут имеет значение некая историческая общность? Хотя были и войны, например война 1812 г. Мой предок потерял ногу на Бородинском поле, он воевал на стороне Франции. Французы всегда интересовались Россией, любили ее. В конце XIX в. в Петербурге французская фирма

построила Троицкий мост, который в Советском Союзе назывался Кировским. Президент Франции приезжал на его открытие. А в Париже в 1896 г. появился замечательный мост Александра III.

Русские дворяне широко пользовались французским языком. В свое время он был дипломатическим языком, и очень жаль, что сейчас утратил эти позиции. Французский язык — очень точный, он, как никакой другой, хорош для составления международных актов и прочих документов.

В фонде работают профессионалы, но мы не имеем возможности достойно оплатить их труд.

Какой Вы видите современную Россию?

Я уже более 10 лет наблюдаю Россию и многое видела, много читала. К сожалению, во Франции имидж России не особенно хорош, и надо признать, что свою лепту в его искажение вносят журналисты. Они не всегда обращают внимание на положительные моменты. Меня современная Россия очень интересует, страна интенсивно развивается, происходит смена ценностных ориентиров. Сегодня, как мне кажется, на первый план выходит развитие гражданского общества. Именно поэтому я и возглавила благотворительный фонд. Во Франции принципы социального меценатства утвердились давным-давно, а здесь это только начинается. Гражданское общество есть залог стабильности страны, будущего России.

В чем причина социальной отчужденности в нашем обществе? Ведь очень часто люди не слышат друг друга, стараются не замечать тех, кто попал в беду.

Отчужденность, я думаю, есть во всех странах, особенно в мегаполисах. Наш фонд Samusocial как раз и создан для того, чтобы оказывать помощь нуждающимся. Он был основан доктором Ксавье Эммануэлли, который являлся министром

по социальным вопросам при Шираке. Сегодня он имеет 12 или 13 отделений на всех континентах. Во Франции фонд широко известен. Парижане знают: если где-то валяется бомж, достаточно позвонить по номеру 115 — и очень быстро приедет команда, которая им займется. Видите, у нас такие проблемы тоже существуют, только решаются они иначе. Здесь, в России, мы не занимаемся взрослыми — на это просто нет сил, организация маленькая, работает всего пять лет. В Париже все проще, потому что нам помогает мэрия, государство,

частные предприятия и так далее. А здесь нас финансируют в основном французские фирмы, которые работают в России. Их руководители считают себя социально ответственными и вносят посильную лепту в это благородное дело.

Надо сказать, что московская мэрия много занимается этими вопросами. В Москве в октябре прошлого года был создан социальный патруль, и это замечательно. В отличие от нас он занимается взрослыми бездомными.

А как Вы набираете кадры для работы?

В фонде работают в основном россияне. Мы привлекаем в первую очередь тех, кто уже имеет опыт работы в таких неправительственных организациях. Система у нас такая: ежедневно в город выезжает машина или несколько машин и в каждой один фельдшер или врач, один социальный работник и психолог. Эти люди знают, где собирается беспризорная молодежь. Детей на улицах сейчас почти нет, они в приютах.

Это выездная помощь? У Вас нет центра, куда Ваши подопечные могли бы обратиться?

Нет, мы занимаемся ими на улице. Что касается приютов, в основном

это городские, муниципальные учреждения. У бездомных специфическая психология, к ним нужен особый подход. Если это дети, убежавшие из детского дома, мы пытаемся им объяснить, что им необходимо интегрироваться в социум. Иногда помогаем им вернуться в семьи, даже покупаем им железнодорожные билеты. Если человеку нужна медицинская помощь, отвозим его в больницу. Мы также занимаемся предупреждением наркомании и СПИДа, рассказываем людям об их правах, о том, какие еще организации могут им помочь, например, получить документы.

Многим ли удастся вернуться в общество?

Трудно сказать. У нас нет возможности отслеживать их дальнейшую судьбу. Важно, что нам, как правило, удастся установить доверительные отношения с этими подростками.

А что Вы понимаете под доверительными отношениями?

Наши сотрудники относятся к людям с уважением, и они раскрываются, рассказывают о себе. Я тоже иногда выезжаю на улицы Москвы, хотя это не является моей прямой обязанностью. У нас замечательные врачи, психологи и очень хорошие социальные работники. Последних, мне кажется, в России не хватает, надо очень серьезно заняться этим делом. Мы хотим заключить договор об обмене кадрами с московской мэрией и привезти сюда французских специалистов. Во Франции социальных работников готовят высшие учебные заведения, это очень популярное направление. Мы хотели бы распространить этот опыт в России.

Через российское высшее образование?

Да. Российские студенты могли бы ознакомиться с французской системой социальной работы.

Получается, что основной проблемой современного мира является кризис доверия. И такие ор-

ганизации, как Ваша, пытаются ее решить.

Нам приходится иметь дело с очень уязвимым контингентом, что очень непросто. Профессор Эммануэлли написал об этом замечательную книгу, с которой можно познакомиться на нашем сайте www.samu.ru. В переводе она называется также, как знаменитый роман Гюго — «Отверженные». Ее аутентичное название “Out”.

Почетным президентом фонда Samusocial Moskva является Леонид Рошаль. Почему именно он?

Во-первых, господин Рошаль — очень известный педиатр, человек чрезвычайно деятельный. Для нас большая честь, что он согласился стать почетным президентом. Статьи, доктор Рошаль знаком с доктором Эммануэлли. Хотя организация создана французом, мы считаем себя российским фондом и поэтому почетный президент должен быть россиянином. В фонде все кроме меня и Элеонор Сенлис, которая является исполнительным директором, россияне, и мы очень рады работать в России с русскими людьми для русских.

Российский бизнес участвует в работе фонда?

Пока еще нет, но мы не теряем надежды. Для нас очень важна финансовая помощь. Работа на улице — это изнуряющая работа. В фонде работают профессионалы, но мы не имеем возможности достойно оплатить их труд. Немало и волонтеров. Например, сайт нам бесплатно сделал один француз, правовую помощь оказывает — тоже бесплатно — француженка, возглавляющая очень крупную юридическую фирму.

Позвольте поблагодарить Вас за то, что Вы делаете в России. Мне вспоминается переводчица «Маленького принца» Нора Галь, которая стала заниматься социальными вопросами, а могла бы сделать переводческую карьеру.

Да, она литературный переводчик, а я устный переводчик. Во французском языке эти профессии обо-

значаются двумя разными словами: traducteur — литературный переводчик, а interpréter — устный переводчик. Это совершенно другое ремесло. Знаете, когда устный синхронный перевод стал особой профессией? На Нюрнбергском процессе. А потом синхронные переводчики понадобились в ООН — нужно было переводить с шести официальных языков. В России не так много устных переводчиков. Но литературный переводчик — это тоже потрясающая работа.

У Вас есть кумиры в литературном переводе — те, кому Вы отдаете предпочтение, выбирая книги? Я читаю книги на языках оригиналов.

Какими языками Вы владеете?

Их не так уж много. Кроме французского и русского я знаю испанский, немецкий, английский. Я знаю, что в России блестящая школа литературного перевода. С французского языка, например, блестяще переводит Вера Мильчина и многие другие.

Каков Ваш основной жизненный принцип?

Служить Богу и людям.

У Вас есть какие-то увлечения кроме работы?

Я заядлый театрал, очень люблю театр. Здесь, в Москве, посмотрела абсолютно все, хотя кое-что видела еще в Париже, когда там гастролировали российские труппы. Я, кстати, сотрудничала с театром «Современник», дружу с Галиной Борисовной Волчек, вместе с ней ездила во Францию в качестве переводчицы. Этот театр дважды приезжал к нам. Они привозили «Вишневый сад», «Три сестры», «Крутой маршрут». Спектакли шли с синхронным переводом, потому что Галина Борисовна не любит субтитры, она считает, что это отвлекает и человек не имеет возможности вникнуть в происходящее на сцене. Мне также довелось участвовать в постановке спектакля по пьесе «Бог резни» очень известного французского автора Реза.

В прошлом году состоялась премьера, и спектакль до сих пор идет с большим успехом. Кроме того, я интересуюсь современным искусством. Предыдущий посол господин де Лябуле — его большой поклонник, тем более что его жена — искусствовед. Мы с ними очень много ходили по выставкам и вернисажам. Культурная жизнь в Москве бьет ключом, и это очень хорошо. Жаль, что французские корреспонденты мало об этом пишут.

Не могу не упомянуть о потрясающих концертах классической музыки. Я много лет дружила с Мстиславом Ростроповичем, и вот недавно прошел первый фестиваль имени Ростроповича. Иностранцы, живущие здесь, должны узнать русскую культуру во всем ее многообразии. Это поможет им интегрироваться.

В этом году исполнилось 65 лет со дня победы над фашизмом. Как Вы думаете, почему война была выиграна Антигитлеровской коалицией?

Я рада, что в параде победы участвовали французские войска, в том числе летчики эскадрильи «Нормандия-Неман» и Patrouille de France.

После этой ужасной войны в Европе возобладали объединительные тенденции. Сначала был образован Европейский союз угля и стали. Это был первый шаг на пути к единой Европе. Затем генерал де Голль создал Комиссию по делам молодежи, которая должна была заниматься налаживанием контактов между французской и немецкой молодежью. Начался обмен студентами. В России война воспринимается иначе. Об этом, в частности, свидетельствует и фильм Никиты Михалкова «Утомленные солнцем – 2».

Французы, если можно так выразиться, отошли от этой войны, особенно молодежь. Здесь больше о ней говорят. ■

Продолжение на следующей странице.

Элеонор Сенлис —
вице-президент
благотворительного фонда
Samusocial Moskva:

**Какого рода работу проводит
Ваш фонд?**

Мы работаем с бездомными подростками. Это люди, которые исключены из общества и не способны попросить о помощи. Их мы и ищем в мегаполисе и предлагаем так называемую полидисциплинарную помощь — медицинскую, психологическую, социальную, правовую — с тем чтобы они имели возможность вернуться в социум. В частности, помогаем получить документы. У нас сформированы передвижные команды, в состав которых входят медики, психологи и социальные работники, с нами сотрудничают юристы. Проблема в том, что здесь, в Москве, нет дневных центров, а на улице психологическую работу вести сложно. Поэтому пока мы оказываем только экстренную психологическую помощь, а хотелось бы обстоятельно подойти к этой проблеме, и вот сейчас обдумываем, как быть. В Москве у нас очень скромная организация. Недавно в городе был создан социальный патруль, и мы планируем с ним сотрудничать — будем заниматься подготовкой кадров, но и работу на улице продолжим.

**Я хочу поблагодарить Вас за
то, что Вы делаете для наших
детей. Чем Вы планируете
заниматься в ближайшем
будущем? Видимо, строитель-
ством дневного центра?**

Нет, у нас никогда не будет для этого достаточно средств.

**Может быть, его построят рос-
сийские власти или появятся
какие-то меценаты?**

Мне кажется, этим могла бы заняться московская мэрия. Почему нет? Так или иначе — этот вопрос надо решать.

**Растет ли сейчас количество
бездомных людей? Или все-
таки их со временем стано-
вится меньше?**

Среди бездомных стало меньше молодых — во всяком случае, в Москве и Московском регионе, и это хорошо. И второе: они теперь менее заметны, т.е. еще более отчуждены от общества.

Прячутся?

Да, да, прячутся, и нам трудно с ними связаться. И тем не менее количество бездомных уменьшилось — государство хорошо поработало.

Те молодые люди, с которыми мы общаемся, испытали какую-то психологическую травму. Например, это дети, убежавшие из семьи, потому что там их били или потому что их родители пьют, или дети, убежавшие из детских домов, как правило из регионов. Но бегут и от нищеты, из городов, где для них нет будущего. В Москве сейчас открыты хорошие центры для бездомных детей:

как кажется, ситуация постепенно улучшается. О регионах мне трудно говорить, потому что мы там, к сожалению, не бываем.

**А почему человек уходит из
общества?**

У этого явления есть причины универсальные и есть, скажем, специфические. Человек, что называется, утрачивает свою личность. Ведь дети бегут и из богатых семей.

**Они перестают верить окру-
жающим?**

И окружающим, и самим себе. Понимаете, эти дети, оказываясь на улице, быстро меняются. У них вырабатывается совершенно другая психология, другие навыки, другие ценности. Их очень трудно вернуть в общество, потому что на улице им живется лучше, чем дома.

ПЭС 10155/16.06.2010